

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20180101
УДК 398.5 (571.12)

Е.Е. ЕРМАКОВА

ИСТОРИЯ ПОЧИТАНИЯ НАРОДНЫХ СВЯТЫНЬ В ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ: ОТНОШЕНИЕ ВЛАСТИ И НАРОДНЫЕ ПРАКТИКИ В XVIII–XIX вв.

Тюменский государственный университет,
РФ, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6

В статье на основе архивных материалов, а также других источников рассматривается практика почитания локальных народных святынь и реакция на них духовной власти Tobolsk eparchy в XVIII–XIX вв. Высказывается предположение, что в Тюмени ключ, ранее находившийся в одном из оврагов ее «исторической» части, является первым в Сибири почитаемым водным источником. В день Девятой Пятницы к нему с начала XVII в. ежегодно устраивался крестный ход. Раскрываются возможные причины появления этого почитаемого места именно в первом сибирском русском городе. Во время петровских церковных реформ сподвижником монарха Филофеем Лещинским крестный ход здесь был запрещен, а источник засыпан землей. Кроме того, архивные документы свидетельствуют, что священство на местах пристально наблюдало за возможными отступлениями от «синодального благочестия», а народные практики почитания водных источников или икон выявлялись и пресекались.

Ключевые слова: Tobolsk eparchy, синодальный период, народные святыни, почитаемый водный источник, почитаемая икона.

E.E. ERMAKOVA

THE HISTORY OF PUBLIC SHRINE VENERATION IN TOBOLSK EPARCHY: THE AUTHORITIE'S ATTITUDES AND FOLK PRACTICES IN THE XVIII–XIX CENTURIES

University of Tyumen
6, Volodarskogo str., Tyumen, 625003, Russia

The article is based on the review of archival materials and other sources. It aims to study the specific character of public local shrine veneration and the relevant reaction of the religious governance in Tobolsk eparchy in the XVIII–XIX centuries.

While studying popular shrines the least attention is paid to the historical aspect, particularly to the reaction of the official religious community in the XVIII and XIX centuries (or a synodic period) to new or “uncontrolled” venerated shrines. Combatting pilgrimage to shrines that were not included in “the rules” of church, up to removing them, in the XVIII and XIX centuries, became the result of Peter I’s legislative initiatives.

It has been supposed that the spring, which was formerly situated in Tyumen and spurted out in one of the gullies in its “historical” part, was the first venerated water spring in Siberia, where Cross Processions were held every year on the Ninth Friday from the beginning of the XVII century. The article reveals eventual reasons of emergence of this venerated place in the first Siberian Russian city. During Peter I’s clerical reforms, the monarch’s ally Phylophye Leshchinsky forbade Cross Processions, and the spring was filled up with soil.

Елена Евгеньевна Ермакова – канд. филол. наук, доцент, Тюменский государственный университет, e-mail: elenaprema@mail.ru.
Elena E. Ermakova – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, University of Tyumen.

The archival depository of Tobolsk clerical consistory remains the main source of restoring the historical canvas. Twice a year all clerical ruling councils were to report to the authority, executing supervisory function as well, about the absence, as stated in the headline of a case dated from 1774, of “any superstitions, veneration of non-recognized dead bodies as holy relics, icon false miracles, springs, wells, monks dissolutely hanging around and other mischiefs”. In order to prevent different “unorthodoxies” in ecclesiastic canon, religious authorities had to nip in the bud probable rumors by applying prohibition of eventual shrines. For example, a number of Cross Processions with popularly venerated icons were called off and eventual practices of “weeping” icons veneration were suppressed.

Key words. Tobolsk eparchy, synodic period, public shrine, sacred water spring, holy icon.

Одной из характерных черт религиозного сознания является придание сакрального статуса некоторым местам и объектам, которые в силу этого обретают статус святыни. Для православной народной культуры, о почитаемых местах и объектах которой и пойдет речь, особое значение представляют водные источники, рощи и деревья, горы и камни, церкви и часовни, иконы и кресты, мощи и захоронения святых – их существование в качестве народных святынь зависело от тех умонастроений, которые главенствовали в тот или иной исторический период. Один дискурс – это массовая религиозная культура, «материнское лоно», в котором и возникали почитаемые места или объекты; другой дискурс – это оппонировавшие ей церковная среда XVIII – начала XX вв. (поддерживаемая светской властью) и идеология советского государства XX в. Представляющие их институты контролировали, а зачастую уничтожали сакрализованные народом святыни. Следует признать, что в данной проблеме меньше всего внимания уделяется реакции официальной религиозной среды XVIII и XIX вв. на новые или «бесконтрольно» действующие почитаемые святыни. В начале 1720-х гг. Петром I осуществляется церковная реформа, которая «ставила своей целью регламентировать религиозную жизнь, очистив ее от различных элементов “суеверия”» [1]. 21 февраля 1722 г. вышел указ о запрещении ходить с образами в дома прихожан, который «в широком смысле слова <...> можно трактовать как запрет выноса иконы за церковные стены, запрет крестных ходов. Уже в 1723 г. был отменен ряд ежегодных крестных ходов» [1]. Итогом петровских законодательных инициатив стало то, что и в XVIII, и в XIX вв. с паломничеством к святыням, не включенным в церковный «обиход», рьяно боролись, вплоть до ликвидации этих мест.

Трудности в освещении избранной темы связаны, прежде всего, с наличием (вернее – отсутствием) этих материалов. Как отмечает Е.В. Платонов, если архивные материалы XVIII в. практически отсутствуют (единственный источник для реконструкции народных религиозных культов того времени), то XIX в. оставил нам по сравнению с предыдущим периодом большое количество следственных дел об отдельных случаях почитания, в частности, исследуемых им водных святынь [2, с. 162–175; 3, с. 61–70]. К документам прошлых эпох, в которых отражается борьба с «суевериями», обращаются в своих исследованиях А.С. Лавров [4], А.А. Панченко [5], Е.В. Платонов [2; 3], Е.Б. Смилянская [6], П.Г. Чистяков [1], И.А. Припачкин [7], С.А. Иникова [8]. Однако в целом «исторические ис-

точники, повествующие о возникновении сельских почитаемых мест в XVIII–XIX вв., еще недостаточно разработаны и почти не введены в научный оборот, хотя представляют несомненный интерес» [2, с. 162]. Особенно это касается тех территорий, которые были отдалены от центра, и в частности Сибири. Собственно, в настоящей статье впервые рассматриваются архивные материалы, а также привлекаются иные источники с целью изучения специфики почитания локальных народных святынь и реакции на них духовной власти в Tobolskской епархии в XVIII–XIX вв.

Начну свое исследование с истории почитаемого родника, находившегося в г. Тюмени. Традиция поклонения водным источникам уходит корнями в глубь веков, и именно они являются наиболее распространенными природными почитаемыми объектами в Европе, в России, а также в Сибири [3, с. 61; 9, с. 41; 10, с. 27–32]. Смеею предположить, что ключ, ранее находившийся в Тюмени и бьющий в одном из оврагов ее «исторической» части, – это первый в Сибири почитаемый водный источник. Сведений о его возникновении немного, и зафиксированы они главным образом в краеведческой работе Н.А. Абрамова «Город Тюмень: из истории Tobolskской Епархии».

Известно, что во время отмечавшегося в Тюмени в день Девятой Пятницы праздника «Ключ» устраивался крестный ход к роднику в знак благодарности за отвращение конского падежа в 1603–1605 гг., т.е. «начало празднования на ключе относится к самым первым годам XVII столетия» [11, с. 414]. К роднику из женского монастыря несли иконы, уже на месте устраивали молебен и освящали воду. В других посвященных почитаемому роднику работах, имеющих краеведческий характер, исторических подробностей паломничества не сообщается. В статье С. Кубочкина «Старинные забавы» речь идет о светском праздновании «Ключа» в начале XX в. [12, с. 108–109]. В статье Ю. Зотина «Где же ты, святой ключ» или пересказывается работа Н. Абрамова, или высказываются предположения о месте нахождения ключа [13, с. 129–132]. Позднее Е.А. Бушаров на основании всех имеющихся данных делает вывод, что родник выходил из недр земли на территории, где в настоящее время располагается комплекс Тюменского высшего военно-инженерного командного училища и прилегающего к нему жилого массива [14, с. 21–34].

Вероятность формирования одной из первых сибирских народных святынь именно в Тюмени была достаточно высока. Тюмень – первый русский город в Сибири (основан в 1586 г.), через него происходило

дальнейшее освоение этой огромной территории. За 27 лет (до 1603 г., когда возникла упомянутая эпизоотия) Тюмень, по меркам Сибири, была достаточно обжитой, хотя и нестабильной ввиду расположения на 1-й оборонительной линии. Город был основан как крепость-острог в недружественной среде бывших правителей Сибирского ханства и их наследников (кучумовичей), а также кочевников (ногаев, киргизов, калмыков), совершавших набеги на новые опорные точки границы Российского государства [15, с. 62–63]. Как отмечает В.В. Трепавлов, «соседство воинственных кочевников создавало среди русских новоселов края чрезвычайную настороженность. Люди верили любым слухам, пугались всяких сведений о надвигающемся набеге» [16, с. 75]. Для отражения атак и преследования совершавших набеги на русские деревни и татарские селения кучумовичей немногочисленному местному населению нужны были лошади. Кроме того, в Тюмени в 1605 г. появляется слобода ямщиков, а для ямщика лошадь – основное средство существования. Соответственно, прекращение «конского падежа» 1603–1605 гг. было для местных ямщиков избавлением от нищеты и голода. По данным И.Л. Маньковой, в честь этого события в церкви Рождества Богородицы (всего по данным дозорной книги 1623/24 гг. в городе к этому времени функционировало 5 церквей) появилась икона Флора и Лавра, которые почитались как защитники лошадей, и в честь этих святых был освящен придел Ильинской церкви [17, с. 59]. Однако не только церкви или часовни были маркерами «духовной освоенности и обжитости территории» [18, с. 75]. К тому же в остроге явно недоставало квалифицированных священников – они «в большинстве своем были неграмотные, едва умевшие отправлять церковную службу, при том не отличались высокой нравственностью» [19, с. 9].

Вехой в «духовном» освоении нового, русского пространства, маркером «своего» в противовес «чужому», враждебному, наполненному слухами и толками о возможных бедах, мог стать и родник. Новый источник явил способ структурирования нового социального пространства в народном дискурсе, «стянув» на себя кризисную информацию о несчастье – конском падеже – и одновременно предоставив способ преодоления подобных ситуаций (посредством крестного хода и молебна), которые могли бы возникнуть в будущем [20, с. 119].

Следующая веха в истории этого локального почитаемого места – первая треть XVIII в., т.е. время петровских реформ, когда светским и духовным властям надлежало обращать особо пристальное внимание на народные святыни, а при обнаружении применять к ним репрессивные меры. При обнаружении почитаемого источника его следовало закопать [1]. Этот «сценарий» был полностью реализован и в Тюмени. Как сообщает Н. Абрамов, из-за «пьянства, разных бесчинств и соблазна», которые добавились к «церковному установлению», по велению схимонаха Федора (в миру Филофея Лещинского) паломничество с иконами на ключ было запрещено, а сам источник засы-

пан землей. Точная дата запрещения паломничества Н. Абрамовым не названа, однако известно, что схиму сподвижник Петра I Филофей Лещинский принял в 1711 г., а окончательно обосновался в Тюмени в 1720-м г., где отошел в мир иной в 1727 г. Следовательно, запрет на паломничество наложен в 1720-х гг., после петровских указов. Скорее всего, при запрете паломничества на ключ схимонах Федор проводил в Тюмени радикальную государственную политику, так что «пьянство, разные бесчинства и соблазн» были лишь внешним, а возможно, и надуманным поводом для прекращения крестного хода. Интересно, что ни в одном из популярных изданий о жизни Филофея Лещинского, созданных уже в наши дни, уничтожение им ключа не упоминается [21; 22], возможно, в силу того, что современная Православная Церковь относится к почитаемым источникам благосклонно, включая их в круг своих святынь.

Известно, что «через несколько лет после смерти Петра I были вновь разрешены крестные ходы с иконами» [1]. Это «ослабление» в отношении почитаемых народом мест коснулось и тюменского ключа. К тому же вскоре после смерти монарха ушел из жизни и его сподвижник Филофей Лещинский. Снова процитирую Н. Абрамова: «...Опять учредился туда [на ключ] крестный ход, иконы по-прежнему носили из девичьего монастыря, по упразднении же его – из Архангельской церкви, только не в девятую пятницу, а в следующее воскресенье. Всеобщее гулянье опять появилось на месте бывшего ключа. Церковный ход впоследствии прекращен, но многолюдное гулянье остается до настоящего времени, только не с теми соблазнами и бесчинствами, какие были в прежние времена» [1]. Полагаю, что фраза «соблазны и бесчинства» не передает особенности почитания святого ключа. Таких наблюдений просто не сохранилось, а Н. Абрамов сам не был их свидетелем, и, видимо, лишь цитирует предшествующий документ, отражающий «строгую» риторику схимонаха Феодора.

К настоящему времени утеряно как само место, где пробивался источник (возможно, оно находилось на закрытой ныне территории военного училища), так и какие бы то ни было традиции церковного или светского праздника. Впрочем, культурно просвещенная молодежь Тюмени в последние годы «заимствовала» название и ландшафт праздника и проводит фестиваль искусств «Ключ» в Городищенском логу, находящемся неподалеку от предполагаемого оврага с почитаемым родником. Впрочем, о возрождении именно почитаемого родника речи не идет.

Кроме тюменского ключа, местные краеведы прошлого и настоящего не уделили внимание другим почитаемым святыням, поэтому основным источником для реконструкции исторической канвы возможного почитания народных святынь в XVIII–XIX вв. остаются архивы местных духовных консисторий, и в частности фонд Тобольской консистории, хранящийся в Государственном архиве в г. Тобольске (фонд И 156). В итоге изучения этого фонда и обобщения материа-

лов, представленных в нем, можно сделать первое наблюдение. Два раза в год в целях регламентации духовной жизни все духовные правления должны были рапортовать в Тобольскую духовную консисторию об отсутствии в них, как следует из заголовка дела от 1774 г., «всяческих суеверий, почитания мертвых неосвидетельствованных тел за святые мощи, ложных чудес при иконах, источниках, колодцах, беспутно волочащихся чернцов и прочих шалостей»¹. В разные годы заголовки дел менялись, но суть их оставалась прежней. Например: «Рапорты духовных правлений о ложных чудесах и суевериях» за 1760 г.², «Рапорты духовных правлений о состоянии заказов (о суевериях, ложных чудесах, кликушах и проч.)» за первую половину 1789 г.³, «Рапорты духовных правлений о благосостоянии церквей и приходов: о своевременном отправлении церковной службы, о суевериях и кликушах» за вторую половину 1819 г.⁴ и мн. др. Тексты в рапортах «с мест» были примерно одинаковыми, видимо, шаблонными. Например, в рапорте из Рафайловского духовного правления за вторую половину 1765 г. сообщается⁵:

«Понеже по репорту Рафайловскаго заказа десятиначальника Кодской Николаевской заимки Троицкой церкви священника Василия Андреева: а сим по собранному от священников с причетники писмяннозачручным сказкам значит, что в здешнем заказе при приходах никаких суеверий ложных чудес при иконах при кладезях и источниках и мертвых неосвидетельствованных телес и почитанию за мощи святых не имеется: также кликуш притворноюродцев босых и с колтунами шатающихся бродяг и ханжей и волочащихся безпутно чернцов по тому ж не имеется и состоит благополучно: о чем в канцелярию Тобольской Духовной консистории Рафайловское Духовное правление сим и репортует декабря 22 дня 1765 года Архимандрит Нектарий»⁶.

После того, как все рапорты с отчетами за половину года были собраны, в Святейший Правительствующий Синод уже рапортовал епископ Тобольский и Сибирский. Пример рапорта епископа Варлаама от 3 октября 1777 г.:

«За силу духовнаго регламента и ея императорскаго величества из Святейшаго Правительствующаго Синода указом велено о состоянии Епархии репортовать в каждый год не делается ль где каких суеверий не проявляются ль притворноюродцы и с колтунами и о прочем, и на оное Святейшему Правительству-

щему Синоду благопочтенно репортуя, что в здешней Тобольской Епархии по присланным из духовных правлений (*сверху подписано*: по 29 число сентября сего 1777 года) репортам в первой минувшаго 776го года половине притворноюродцев и с колтунами не имелось, кроме того что расколники родившихся детей своих православным священникам крестить не дают, а браки в [неразб.] церкви венчают»⁷.

Во избежание различных «отступлений» от церковного канона духовные власти должны были на корню пресекать возможные толки. Например, следовало контролировать каноничность изображений на иконах. В 1759 г. был издан указ, «чтобы нигде не искуснописанных икон не было». Печатная его копия приложена к «Делу о запрещении продажи плохо напечатанных и не освидетельствованных архиереями икон»⁸. В связи с этим во исполнение указа ввозимые иконы на местах тщательно проверялись. Об этом, например, свидетельствует вскоре появившееся после указа «Дело об освидетельствовании привезенных суздальскими крестьянами святых икон» от 1761 г.⁹. Позже обстоятельства предоставили возможность тобольским духовным властям в точности исполнить указ Святейшего Синода от 21 февраля 1722 г., в котором «иконы, оглашенные чудотворными, должны быть немедленно отбираемы и поставляемы для хранения в ризницы кафедральных соборов» [1]. Это явствует из «Дела о течении воды из иконы Богоявления Господня, находящейся в с. Куминовском Туринского ведомства» от 1859 г.¹⁰.

Туринский уездный благочинный священник Лев Брызгалов докладывал, что в доме священника села Куминовского Александра Тутолмина находится икона, с которой стекает вода. В документе благочинный приводит все обстоятельства, связанные с этим явлением, и просит наставлений «касательно оной иконы; пред нею Куминовский причет может ли служить молебны, по просьбе желающих»¹¹. Вслед за этим Тобольская духовная консистория потребовала, «чтобы Туринское духовное правление распорядилось доставить сюда икону без всякой огласки и без всякого оказательства». Сделать это нужно было с особым тщанием: предписывалось, чтобы правление «обтерло оную, и завернуло в чистое полотно, и закупарив в нарочито сделанный для того из дерева футляр представило в Консисторию без повреждения»¹².

В результате обследования, проведенного 17 июля 1859 г., в журнале Тобольской духовной консистории появляется запись: «Как икона Богоявления Господня находит в присутствии Консистории с 30 апреля по настоящее время не оказала ни того чудесного маслянистого истечения, какое оказывала будучи бы в доме священника Тутолмина, не оказала и ни особенной

¹ Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО ГА в г. Тобольске). Фонд Тобольской духовной консистории. Ф. 156. Оп. 3. Д. 387.

² Там же. Д. 2947.

³ Там же. Оп. 4. Д. 512.

⁴ Там же. Оп. 8. Д. 1480.

⁵ При публикации документов соблюдаются следующие правила: 1. Использование строчных и прописных букв модифицируется в соответствии с современными стандартами. 2. «Ъ» на конце слова опускается, «Ѣ» заменяется на «е», а «іі» на «и».

⁶ Там же. Оп. 2. Д. 1169. Л. 21.

⁷ Там же. Оп. 3. Д. 864. Л. 1.

⁸ Там же. Оп. 1. Д. 2956.

⁹ Там же. Оп. 2. Д. 19.

¹⁰ Там же. Оп. 11. Д. 620.

¹¹ Там же. Л. 3 об.

¹² Там же. Л. 4.

Божественной силы, то поэтому консистория не имея причин полагать в ней что-либо сверхъестественное считает правильным, не назначать никакого следствия, в прекращение толков и молвы народной, внести ее в Соборную Архиерейскую ризницу для всегдашнего хранения»¹³. Туринскому правлению, благочинному, а также сыну священника Тутолмина предписывалось «в случае, если уже толки и молвы об иконе распространились между народом в прекращение их приняли бы самые действенные меры, ибо в отношении иконы они должны были действовать самым секретным образом, а не открывать и распространять слухи, что строжайше запрещается и законом»¹⁴.

Возможно, что икона не стала почитаемой народом именно потому, что она принадлежала священнику, понимавшему нюансы ситуации. В других случаях, например, если такая «плачущая» икона находилась в доме крестьянина, мог сложиться культ почитаемой святыни. П.Г. Чистяков приводит пример, из которого узнаем, что в Богородском уезде Московской губернии 25 июня 1885 г. священник около дома крестьянки увидел множество народа. Он выяснил, что в этом доме находилась плачущая Ахтырская икона Богоматери. В дальнейшем икона была изъята и отправлена на хранение в ризницу Чудова монастыря [1].

Материалы, приведенные в статье, показывают, насколько твердой со стороны официальных церковных властей Тобольской епархии была «опека» над возможными проявлениями народной религиозности. Стихийные практики почитания водных источников или икон, которые начинали складываться, выявлялись и пресекались. Возможно, эта строгая «синодальность» предшествующих эпох (до начала XX в.), наряду с иными причинами, не способствовала формированию того особого религиозного ландшафта, который отражал бы именно массовую, народную религиозную культуру, материальными маркерами которой являются почитаемые места или объекты (в частности, в границах современной Тюменской области) [23].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чистяков П.Г. Почитание местных святынь в российском православии синодального периода // Православный собеседник: альманах Казанской духовной семинарии. Вып. 1(14)–2007. Материалы VI ежегодной науч.-практ. конференции «Богословие и светские науки: традиционные и новые взаимосвязи». Казань, 2007. С. 187–193.
2. Платонов Е.В. Почитаемые родники в XIX в.: роль «хранителя святыни» в формировании культа // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 162–175.
3. Платонов Е.В. К вопросу о почитании родников в XIX веке: модели поведения и практика принятия решений // Традиционная культура. 2014. № 1(53). С. 61–70.
4. Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М.: Древлехранилище, 2000. 576 с.
5. Панченко А.С. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.: Алетейя, 1998. 320 с.

¹³ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 11. Д. 620. Л. 6 об. – 7.

¹⁴ Там же. Л. 7.

6. Смилянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и духовные преступления в России XVIII в. М.: Индрик, 2003. 463 с.

7. Припачкин И.А. Чудо чаемое и восхищаемое // Чудесное и обыденное: сборник материалов науч. конф. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2003. С. 94–107.

8. Иникова С.А. Святые источники Рязанской земли: православные традиции в их почитании // Православие и традиционная культура Рязанской области / под ред. С.А. Иниковой. Рязань: Рязанский обл. науч.-метод. центр народного творчества, 2001. С. 155–170.

9. Любимова Г.В. Сибирская традиция почитания святых мест в контексте народной исторической памяти // STUDIA MYTHOLOGICA SLAVICA. XVI. 2013. С. 27–45.

10. Ермакова Е.Е. Исцеление водой: почитаемые источники юга Тюменской области // Вестн. Тюм. гос. ун-та. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2011. № 2. С. 27–32.

11. Абрамов Н.А. Город Тюмень: из истории Тобольской Епархии / Сост. тома, примеч. Ю.Л. Мандрики и В.А. Чупина, предисл. Ф. Петухова. Тюмень: СофтДизайн, 1998. 576 с.

12. Кубочкин С. Старинные забавы // Лукич. 2000. № 2. С. 103–111.

13. Зотин Ю. Где ты, Святой ключ? // Лукич. 2001. № 1. С. 129–132.

14. Бушаров Е.А. Площадь «Красных бойцов» (святой ключ) в г. Тюмени (об истории появления, проведения праздника «Ключ» и о местонахождении площади) // Земля Тюменская: Ежегодник Тюм. обл. краевед. музея. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2008. Вып. 21. С. 21–34.

15. Словоцов П.А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М.: Вече, 2014. 530 с.

16. Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Восточная литература, 2012. 231 с.

17. Манькова И.Л. Православный ландшафт Тюмени в XVII – первой половине XVIII века: опыт прочтения // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 8: История. С. 58–68.

18. Курилов В.Н., Люцидарская А.А., Майничева А.Ю. Освоение Сибири: сохранение и трансформация русской культуры в XVII – начале XX в. Новосибирск: Изд-во ПреПресс-Студии, 2005. 100 с.

19. Половинки Н.С. Западно-Сибирский регион в религиозном отношении и церковные преобразования в 16–20 вв. // Религия и церковь в Сибири: сб. науч. стат. и документальных материалов. Тюмень: Рутра, 1993. Вып. 5. С. 3–39.

20. Щепанская Т.Б. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север. К проблеме локальных групп. СПб., 1995. Вып. 5. С. 110–176.

21. Яковлев М. Слово о святителе Филофее, который Сибирь крестил. Тюмень: Сити-пресс, 2008. 240 с.

22. Бакулин М. Сказ о святом Филофее, сибирском чудотворце. Тюмень: Русская неделя, 2015. 40 с.

23. Летопись возрождения Тобольской епархии 1990–2010 гг. Тюмень: Изд.-информ. отдел Тюменско-Тобольской епархии, 2011. 524 с.

REFERENCES

1. Chistjakov P.G. Veneration of local shrines in the Russian Orthodoxy under the synodic period. *Pravoslavnyi sobesednik: al'manakh Kazanskoy dukhovnoy seminarii*. Kazan', 2007, vol., pp. 187–193. (In Russ.)
2. Platonov E.V. Water springs venerated in the XIX century: the "shrine keeper" role in worship development. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2014, no. 5, pp. 162–175. (In Russ.)
3. Platonov E.V. Revisiting the water springs veneration in the XIX century: behaviour patterns and decision making practice. *Traditsionnaya kul'tura*, 2014, no. 1, pp. 61–70. (In Russ.)

4. Lavrov A.S. Sorcery and religion in Russia in 1700–1740. Moscow: Drevlekhranilishche, 2000, 576 p. (In Russ.)
5. Panchenko A.S. Popular Orthodoxy research. Rural holy objects in North-West of Russia. Saint Petersburg: Aleteiya, 1998, 320 p. (In Russ.)
6. Smilyanskaya E.B. Sorcerers. Blasphemers. Heretics. Public religiosity and clerical crimes in Russia in the XVIII century. Moscow: Indrik, 2003, 463 p. (In Russ.)
7. Pripachkin I.A. A miracle to believe in and to admire. *Chudesnoe i obydennoe: sbornik materialov nauch. konf. Kursk*, 2003, pp. 94–107. (In Russ.)
8. Inikova S.A. Sacred water springs of Ryazan region: Orthodox traditions of veneration. *Pravoslaviye i traditsionnaya kul'tura Ryazanskoy oblasti*. Ryazan', 2001, pp. 155–170. (In Russ.)
9. Lyubimova G.V. The Siberian tradition of holy places veneration in the context of public historical memory. *Studia Mythologica Slavica*, 2013, no. 16, pp. 27–45. (In Russ.)
10. Ermakova E.E. The water healing: venerated water springs of Tyumen region. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates*, 2011, no. 2, pp. 27–32. (In Russ.)
11. Abramov N.A. Tyumen city: on the history of Tobolsk eparchy. Tyumen': SoftDizain, 1998, 576 p. (In Russ.)
12. Kubochkin S. Ancient entertainments. *Lukich*, 2000, no. 2, pp. 103–111. (In Russ.)
13. Zotin Yu. Where are you, Holy spring? *Lukich*, 2001, no. 1, pp. 129–132. (In Russ.)
14. Busharov E.A. Red Fighters Square (sacred water spring) in Tyumen city (on the history of appearance, the "Spring" feast organization and the square locality. *Zemlya Tyumenskaya: ezhegodnik Tyumenskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*, Tyumen', 2008, vol. 21, pp. 21–34. (In Russ.)
15. Slovtsov P.A. The history of Siberia. From Yermak to Catherine the Great. Moscow: Veche, 2014, 530 p. (In Russ.)
16. Trepavlov V.V. The Siberian yurt after Yermak: Kuchum and his descendants in vengeance fighting. Moscow: Vostochnaya literatura, 2012, 231 p. (In Russ.)
17. Man'kova I.L. The Orthodox landscape of Tyumen in the XVII century – the first half of the XVIII century: the reciting experience. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2015, vol. 14, iss. 8: Istoriya, pp. 58–68. (In Russ.)
18. Kurilov V.N., Lyutsidarskaya A.A., Mainicheva A.Yu. Siberia exploration: the Russian culture conservation and transformation in the XVII – early XX centuries. Novosibirsk: Izd-vo PrePress-Studio, 2005, 100 p. (In Russ.)
19. Polovinki N.S. West Siberian region with regard to religion and church reforms in 16–20 centuries. *Religiya i tserkov' v Sibiri*. Tyumen', 1993, vol. 5, pp. 3–39. (In Russ.)
20. Shchepanskaya T.B. The crisis network (traditions of spiritual space exploration). *Russkiy Sever. K probleme lokal'nykh grupp*. Saint Petersburg, 1995, vol. 5, pp. 110–176. (In Russ.)
21. Yakovlev M. A message of Saint Phylophsey, who baptized Siberia. Tyumen': Siti-press, 2008, 240 p. (In Russ.)
22. Bakulin M. A tale about Saint Phylophsey, Siberian wonderworker. Tyumen': Russkaya nedelya, 2015, 40 p. (In Russ.)
23. The chronicles of the Tobolsk eparchy revival in 1990–2010. Tyumen': Izdatel'sko-informatsionnyy otdel Tyumensko-Tobol'skoi eparkhii, 2011, 524 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 18.01.2018